

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборку из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замараева, а также выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

12.8.12

№ 52 Седмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Семь отроков Эфесских

отмечаем мы на предстоящей седмице среди прочих святых, празднуемых Церковью - семь эфесских христиан-юношей, которые заснули в 250 году и проспали все репрессии языческого императора Деция, воздвигшего лютое гонение на Церковь. А когда молодые люди проснулись, империя уже была христианской.

Нам бы с Вами так - лечь спать и проснуться в нормальной богатой цивилизованной стране...

Летаргический сон. Как-то была телепередача о женщине, проспавшей 40 лет. Но ее, вначале медики, а потом и домашние подкармливали и ухаживали за ней, как за коматозной больной. Но есть предания, свидетельствующие о случаях, когда летаргический сон достигал такой глубины, что человек очень длительное время вообще не нуждался ни в каких внешних источниках питания. Может, это и не сон, а какое-то иное неведомое нам состояние человеческого тела. И вот одно из таких преданий, а быть может, и легенд, - это жизнеописание ныне празднуемых эфесских солдат: Максимилиана, Иамвлиха, Мартиниана, Иоанна, Дионисия, Константина и Антонина, живших в III веке.

Они все были из богатых знатных семей, служба военная проходила bravо, и все было, в общем, хорошо. Но однажды в Эфес прибыл сам император Деций. В программе пребывания императора была предусмотрена церемония принесения жертвы языческим божествам. Ну и в этом должны были участвовать знать и военные. А поскольку эти семь юношей были христианами, то участвовать в языческом мероприятии они не могли и решили отсидеться в стороне. Номер не прошел - всегда находятся «доброжелатели» в кавычках, которые не пропуская возможности подсидеть вышестоящего или недруга. Императору о выходе молодых людей донесли, ну и, перво-наперво, с них, так сказать, сорвали погоны. Ну а потом, в случае нераскаяния, их ожидала смертная казнь.

Не будь дураками, юноши, воспользовавшись моментом, смылись - ушли из города и скрылись в пещере горы Охлон.

Но охранка императора тоже не лыком шита - разузнали о месте их укрытия, нашли ту пещеру и замуровали вход. Правда, двое из исполнителей оказались тайными христианами и, желая увековечить память мучеников, вложили среди камней железный ящичек, в котором на двух оловянных брусках были выцарапаны имена юношей и обстоятельство их смерти.

Сами юноши эту возню с перекрытием лаза в пещеру не слыхали. Легли спать и, как гласит их жизнеописание, проснулись только через 200 лет. К тому времени участок земли, на которой находилась гора Охлон, была куплена одним состоятельным человеком и начаты земельные работы в связи с каменной застройкой. Рабочие расчищали пространство, разбирали камни и наткнулись на вход в пещеру.

А под землей как раз в этот момент просыпаются юноши. Кто его знает, 200 лет многовато, конечно, может, это легендарное преувеличение, хотя на свете удивительного достаточно. Они, ведь, замурованные в пещере, находились как бы в капсуле - ровная идеальная температура, не изменяющаяся влажность и прочее. А тут раскрыли капсулу, и их тела обдало свежим воздухом. Встают - есть хочется - посылают младшего украдкой за хлебом в город. Тот идет с покрытой головой, сторонится людей, чтобы никто его не узнал. Подходит к городу и видит на воротах - ничего себе - Крест. Озирается вокруг и ничего не понимает - это здание вроде знакомо, а этих буквально вчера не было. Услышав свободно произносимое имя Иисуса Христа, он стал сомневаться, что пришел в свой город.

Расплачиваясь за хлеб, святой отрок подал торговцу монету с изображением императора Деция -

тут его и повязали, не то, как фальшивомонетчика, не то, как владельца исторического раритета.

Тут еще одно везение - у градоначальника, к которому привели юношу, гостил как раз епископ, который нашел в себе силы поверить этим бредовым рассказам молодого человека и решил отправиться вместе с народом к указанной пещере. Тут же у входа из груди камней епископ извлекает запечатанный ковчежец, открывает его и читает на оловянных брусках имена семи отроков и обстоятельство закрытия этой пещеры по повелению императора Деция.

Тут из пещеры выходят и остальные юноши - все радуются.

Но внутренний календарь, сокрытый внутри каждого из нас, не останавливается ни при каких обстоятельствах. За один день они стареют и к вечеру усыпают, уже, так сказать, до воскресения мертвых. Вот такая невероятная история - хотите - верьте, хотите - нет.

Миссия Церкви среди язычников.

На прошлых наших беседах мы неоднократно подчеркивали с Вами одно из важнейших свойств Православной Христовой Церкви. Твердость, подобно алмазу, и одновременно - мягкость, податливость, удивительную терпимость.

С одной стороны, Православие бережно и скрупулезно хранит истины Божественного Откровения. Без каких бы то ни было компромиссов. В Православии мы действительно можем обрести веру подлинную, неповрежденную, пронесенную через века и тысячелетия без всякой порчи и искажений. Кристально чистое вероучение. Это что касается основ веры, догматов Церкви.

С другой стороны, христиане на протяжении почти всей истории своего бытия находились в языческом окружении, да и в рядах последователей Иисуса было и есть слишком много вчерашних язычников, со всеми их повадками, обычаями и психологией. И чтобы расширить семью чад Христовых, привлечь к себе язычников и удерживать их в церковной ограде, медленно перевоспитывая в истинно христианском духе, Церковь Христова всегда шла на серьезные компромиссы. Но уступки, как мы подчеркивали с Вами, имели место не в самом вероучении, которое всегда оставалось неизменным, а в сфере обрядности - внешних форм поведения, элементов внешней культуры, гимнастики. Что касается церковной поэзии, здесь - удивительная свобода, пожалуй, совсем неограниченная догматической цензурой.

Возьмите, к примеру, акафист Кресту Христову. Он построен на живом диалоге с деревом. В акафисте мы к кресту обращаемся, как к персонажу, личности. Так и написано в 3-м кондаке: «Крест, аще и древо видимо есть существом...» Крест здесь приветствуется, как живой человек, древним приветствием: «Радуйся!» Древо крестное наделяется животворными свойствами. Оно «Божественною одеяно силою... и умно наше чудотворит спасение».

Эти образы настолько понятны язычнику, настолько близки, что он-то и особого дискомфорта в христианстве не чувствует. Надо понять, что ему просто необходимо это священное древо. Представьте, сколько столетий, празднуя языческого Купалу, посреди лужаек вкапывали деревце - купальщицу, украшали его цветами, совершали обряды перед ним и поклонялись ему.

В культурно-традиционном плане Церковь действительно зачастую шла на самые неожиданные уступки внешнему миру, вплоть до того, что временами члены церкви внешне мало отличались от классических идолопоклонников.

Естественно, всегда находились критики, горделиво обличающие Церковь Христову. Особенно за последние 5 веков сыпалось множество обвинений, протестов, возникали антицерковные движения, расколовшие Святую Церковь на множество конфессий.

Не то, что критиковать Церковь нельзя - табу. Нет, конечно, критика как результат исследования, попытка приблизиться к истине, освободиться от заблуждений, оценить объективную действительность - это всегда хорошо.

Главный вопрос - какова мотивация критики. Чего человек добивается, что он хочет?

Исправить положение дел? Или посмеяться над немощью? Дескать, я умный, и оцените - как я все понимаю и во всем разбираюсь. И посмотрите на остальных верующих церковников - как они глупы. Да они же и не христиане на самом деле! Потому, что и это в них от язычества, и это в них - языческое.

Одно дело - с сожалением констатировать факт того или иного заблуждения в Церкви, и совсем другое - подобно Хаму, смеяться над немощью своего родителя.

Но весь фокус в том, что в Православии, как мы с Вами не перестанно утверждали, заблуждений никаких не было, и нет. В этом, кстати, легко убедиться -

ся. Возьмите Закон Божий, гигантским тиражом изданный по благословению нашего патриарха Филарета и, скажем, катехизис Филарета Дроздова - самое начало 19-го века. Форма изложения разная, а суть одна и та же. И сравните эти издания с творениями, например, Иринея Лионского - это 2-й век нашей эры. Иринея Лионский - ученик Поликарпа Смирнского. А Поликарп Смирнский был учеником самого апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Т.е. живая, непосредственная связь этих трех светил. Апостол и Евангелист Иоанн Богослов, затем его преемник - Поликарп Смирнский, а за ним - его духовное чадо - Иринея Лионский. Так вот, в творениях Иринея Лионского, уже дошедших до нас с Вами - вполне развернутое православное Богословие. У нас есть с чем сравнивать. А уж наследие Григория Богослова если читать, а это 4-й век, то все настолько современно, что создается впечатление, что Григорий Назианзин закончил свои труды в наше с Вами время, будто на прошлой неделе. И трудно найти у современных богословов то, чего не было бы у святого Григория. Правда, кроме Мариологии - расширенного обоснования почитания Божьей Матери. Понятно почему. Подчеркнутое почитание Девы Марии стало развиваться уже к 5-му веку. Не в том смысле, что до 5-го века Богоматерь была не в почете. Матерь Божию почитали с самых первых дней существования церкви. Евангелист Лука не случайно акцентирует наше внимание на пророческие слова Девы Марии о Самой Себе, как возрадовался Ее дух о Боге, Спасителе, что призрел Он на смирение Рабы Своей, и **отныне будут ублажать Ее все поколения**. Отныне - с самого, как ни на есть, начала. Другое дело, что «честнейшей херувимов» и «славнейшей без сравнения серафимов», согласно того же православного вероучения, не надо воздавать почести Божеские, тем более, что Матерь Божия, по всей видимости, в этом вовсе и не нуждается. Но это отдельный разговор.

Так вот, значит, две стороны одной медали. Точность и филигранность православного вероучения, и - мягкость, «компромиссность» Церкви по отношению к формам и практическому воплощению, реализации веры.

Как мы уже отметили, последнее обстоятельство иногда подвергается нездоровой критике и насмешкам. И совершенно зря. Мягкость и податливость в отношении человеческой немощи свидетельствует, как раз, не о слабости Церкви, а о ее мудрости и целенаправленности. Церковь иногда готова сделать абсолютно неожиданные шаги для того, чтобы спасти тех или иных погибающих. Церковь - это Тело Христово, глава Которой - Сам Иисус Христос. А Он ведь что заповедал нам? Если у нас сто овец, и одна из них заблудилась, то, быть может, вопреки здравому смыслу, следует оставить девяносто девять в горах и идти искать одну - заблудившуюся. Церковь может пренебречь многими, относительно благополучными, чадами и пуститься в опасный путь, спасая погибающих. Причем, принимаясь за поиски заблудших, нельзя думать о своей одежде - как бы ее не запачкать и не порвать. Здесь главное - результат. Как ты будешь выглядеть - совершенно неважно. Оборваным, грязным. Благочестивым или нечестивым.

У апостола Павла есть золотое правило миссии. Он говорит: «для Иудеев я был как Иудей, чтобы приобрести Иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; **для язычников - как чуждый закона язычник**, - чтобы их приобрести; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти, по крайней мере, некоторых».

И это не слабость, это не бесхребетный конформизм. Это согласие стать кем угодно, чтобы спасти хоть кого-то.

И историческая Церковь, в общем, всегда так и поступала и поступает до сих пор.

Зачем далеко ходить? Люди, часто посещающие храм, наверняка, наизусть помнят одно из церковных песнопений, посвященных пречистой Деве Марии. «Не имамы инья помощи, не имамы инья надежды, разве Тебе Владычице, Ты нам помози. На Тебе надеемся и Тобою хвалимся. Твои есмь рабы - да не постыдимся». Это одно из любимых и популярных песнопений православной церкви до сего дня. Но если мы внимем в слова этого песнопения, то легко убедимся, что они мягко выражаются, противоречат православному вероучению. А если не совсем мягко сказать, то - это самая настоящая ересь. Ересь - не с точки зрения католика или протестанта. С точки зрения православного. Попытайтесь понять то, о чем мы поем. Нет у нас абсолютно никакой надежды ни на кого - ни на ближних, ни на самого Бога, кроме как на Богоматерь.

Согласно того же православного вероучения, надежду мы должны полагать **только** на Бога - Отца нашего Небесного. И, как утверждает нам Слово Божие: нет другого имени под небом, данного человеку, которым надлежало бы нам спастись, кроме имени Иисуса Христа.

Предположить, что отцы Церкви не знают этой букварной истины - наивно. Кому надо, те все пре-

красно понимают. Но звезды горят, как говорится, потому, что это кому-то нужно.

Есть психологический тип людей, для которых гораздо легче проникаться чувством религиозной любви, созерцая образ матери, чем отца. Ведь образ матери, на самом деле, это не один из возвышенных образов, это **самый** высокий и святой образ на нашей Земле почти для каждого из нас. Ну, за редким исключением, кому не повезло с мамой - женщина оказалась не на высоте своего материнства. В нашем прохладном, если не сказать холодном мире, слишком не хватает материнской любви. И для многих даже христиан со стажем Божество мыслится как женское начало.

И у классических язычников. Помните, славный древний Эфес - малоазиатский город, в котором так же проповедовал апостол Павел. И как тамошний ювелир Димитрий возмутил народ, оклеветав апостолов, что Павел со своими спутниками неуважительно относится к местной языческой святыне - богине Артемиде. И весь город, как это описано в Деяниях апостольских, наполнился смятением. Горожане, схватив спутников Павла, устремились в театр, ну, по-нашему, скорее, на стадион, и около двух часов орали: велика Артемиды Эфесская! Еще долго бы кричали, но находчивому чиновнику из правоохранительных органов удалось успокоить народ, простым, но резонным аргументом: Граждане, сказал он, а кто, собственно сомневается, что Артемиды - богиня Эфесская? Какой же человек не знает, что город Эфес - это город великой богини Артемиды?

Представьте, собораться на стадионе и более двух часов возмужденно вопить, что Артемиды - богиня Эфесская! Любили, значит, свою богиню - никак иначе. Причем, не бога, а богиню. Неважно, что и первый, и вторая - боги с маленькой буквы. Замечательно другое: Бог воспринимался эфесянами как начало женское. Нам может быть трудно их понять, но это вопрос культуры, это проблема людских стереотипов. Вот попробуйте представить, что Иисус Христос был бы женщиной. Для нас - это кошмар. А по сути - почему бы и нет? Богословских препятствий к этому никаких нет. Кстати, вот Всевышний - Отец наш Небесный. Мы ведь обращаемся к Нему, как к мужскому началу. Слоvesно обозначаем, именуем Его в мужском роде. Но Всевышний Бог - это ведь все наполняющий собою Дух. Это Высшее Существо, о Котором ни при каких обстоятельствах нельзя говорить в категориях пола мужского или женского.

Так вот, эфесянам, с их языческим прошлым, с их особенностями культуры было очень трудно воспринимать христианство, во главе Которого Христос, с так сказать, мужским началом. Им, как воздуха, не хватало этого женского начала. И они своего-таки добились. Долго, правда им пришлось маяться и тосковать, но именно в Эфесе состоялся знаменитый 3-й Вселенский собор в 451 году, возвысивший пресвятую Деву Марию и закрепивший за Ней имя Богородица. Хотя, на самом деле, суть постановления 3-го Вселенского собора была не столько в том, чтобы возвеличить Деву Марию, сколько в том, чтобы подчеркнуть ту догматическую истину, что Иисус Христос стал Богом человеком не в 12 или в 30 лет, как учили некоторые еретики, а с самого рождения, а точнее - зачатия. Несторий предлагал другой термин для пресвятой Девы - Христородица. Вроде, как и правильно. Формально не придерешься. Ведь Пресвятая Дева Мария и вправду Христа родила, а не Бога, Который - вне времени и вне пространства. Но там другая мотивация была. Задача перед отцами Церкви стояла конкретная - положить конец духовно вредным гаданиям о том, когда произошло единение двух природ в Иисусе Христе - Божеской и человеческой. Другими словами, сам смысл наименования Пресвятой Марии Богородицей - утвердить веру в то, что Мария родила не просто человека Иисуса, а Богочеловека Христа. В то, что соединение Божеского и человеческого в Иисусе произошло у нее внутри, в ее утробе. И, тем не менее, почти вертикальный взлет почитания Богоматери произошел именно в Эфесе. Потому, что эфесяне особенно нуждались в этом женском образе Божественного.

Как, впрочем, и многие из нас с Вами. Есть современные христиане, для которых образ женщины - любящей вселенской Мамы - нужен как глоток воды, как вдох свежего воздуха.

Образ Матери Божией во все времена возносил дух и души верующих к Небу, приближал к Богу. И так, по всей видимости, будет всегда. Однако, Пресвятая Дева Мария - это наша земная сестра - одна из нас, человек. Об этом нельзя забывать. И если вчерашний язычник боготворит Деву Марию, и Церковь смотрит на это, так сказать, сквозь пальцы, то надо осознавать, что это возможно только до поры, до времени. До тех пор, пока начинающий христианин не воспримет главное - то, что есть только Один Бог - наш Небесный Отец. И есть имя, единственное под небом, которым нам надлежит спастись. Это имя - Христос.

Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>

Листочек передайте ближнему!